

С. Ю. БЕНДАСЮКЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНСКАГО СЕПАРАТИЗМА

Докладъ, прочитанный 12 декабря 1938 г.
въ Секціи русскихъ студентов во Львовѣ,
на курсъ „Культурно-просвѣтительная работа“

ЛЬВОВЪ

1939
ИЗДАНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЕЖИ
(Львовского Отдѣла)

С. Ю. БЕНДАСЮКЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
УКРАИНСКАГО
СЕПАРАТИЗМА

Докладъ, прочитанный 12 декабря 1938 г.
въ Секціи русскихъ студентов во Львовъ,
на курс „Культурно-просвѣтительная работа“

ЛЬВОВЪ

ИЗДАНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЕЖИ
(Львовскаго Отдѣла)

1939

Отпечатано по изданию 1939 г.

Типографія Ю. Яськова во Львовѣ, ул. 3-го Мая, 10.
Drukarnia J. JaskoWa, Lwow, ul. 3-go Maja, 10.

Украинскій сепаратизмъ, т. е. стремленіе одной части малороссіи, называющихъ себя украинцами, къ совершенному отдѣленію отъ русской націи, — это специфическое явленіе только на Руси. Такого сепаратизма у другихъ народовъ нѣтъ, хотя для его возникновенія тамъ имѣется гораздо больше и куда болѣе серьезныхъ данныхъ. Если украинскіе сепаратисты иногда указываютъ на подобное движение гдѣ-то на Западѣ, то при внимательномъ разсмотрѣи указанныхъ ими примѣровъ, оказывается, что дѣло въ сущности представляется иначе: ни указанный ими народъ не стремится къ такому совершенному отмежеванію себя отъ родной націи, ни то, что у него тамъ носить черты нѣкоторой обособленности, нельзя назвать сепаратизмомъ въ украинскомъ смыслѣ.

Сѣверные нѣмцы отъ южныхъ, фланандцы отъ бельгійцевъ, ирландцы, шотландцы и валлійцы отъ англичанъ, бретанцы и провансальцы отъ французовъ, каталонцы отъ испанцевъ имѣютъ куда больше оснований и возможностей отдѣлиться, чѣмъ украинцы отъ русскихъ, но фактически не отдѣляются. Они не силятся создать ни своихъ особыхъ литературныхъ языковъ и культуръ, ни государства. Все, чего они добиваются, — это прежде всего получить самую широкую автономію на своей территорії, свободно пользоваться своимъ роднымъ нарѣчіемъ также въ официальныхъ сношеніяхъ и въ школьнѣмъ преподаванії. Они никогда не даютъ себя использовать вѣнѣшнему врагу для союза противъ своей старшей сестры націи, какъ наши сепаратисты. Наидалѣше пошли и наибольше достигли, кажется, ирландцы: выбороли себѣ свободное государство (free state) въ составѣ Великобританії, усердно развиваются свое ирландское нарѣчіе, но говорять и пишутъ, у себя дома, и въ присутственныхъ мѣстахъ, и въ парламентѣ по-англійски и остаются вѣрноподданными англійского короля. Во время всемірной войны, еще только добиваясь всего этого и сильно съ англичанами враждуя, они за общее королевство храбро сражались на всѣхъ фронтахъ, а попытки Германіи использовать эту ихъ вражду для поднятія восстанія потерпѣли постыдную неудачу.

У нас, на Руси, такихъ оснований и условій для сепаратизма нѣтъ, но онъ возникъ и держится вотъ уже десятки лѣтъ по двумъ главнымъ

причинамъ: мы, русскіе, не даем ему надлежащаго отпора, а онъ получаетъ всемошную поддержку извнѣ, съ вражьей стороны. Поскольку мы, русскіе, съ нимъ не боремся, мы также его виновники. Поскольку онъ служить чужимъ силамъ, враждебнымъ Руси, онъ — зло, несчастье для всего русскаго народа и особенно для малороссовъ. Но если бы онъ и не стоять врагамъ на услугахъ, онъ, сепаратизмъ, все равно бы былъ вреденъ, какъ вредно вообще дѣленіе единаго по своей природѣ национальнаго организма на части, ибо въ единеніи — сила, въ раздѣленіи — слабость. И тѣмъ не менѣе, мы стоимъ за свободное и полное развитіе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, литературы, культуры автономій. Не только стоимъ, но готовы имъ всегда поработать, послужить, пожертвовать собой: мы знаемъ и учтываемъ, что ихъ развитіе, укрѣпленіе и обогащеніе — залогъ силы, расцвѣта и богатства всей великой русской націи. А только съ нашей, русской, точки зрѣнія мы себѣ мыслимъ и хотимъ, чтобы — какъ это было въ теченіе долгихъ столѣтій — и нынѣ, и въ будущемъ, — они развивались, укрѣплялись и обогащались какъ часть русскаго языка, русской литературы и культуры, русской націи. Въ этомъ наше всегдашие принципіальное расхожденіе съ сепаратистами украинскими, бѣлорусскими, или какъ бы они тамъ ни назывались.

Довоенная Россія несеть отвѣтственность за то, что во второй половинѣ истекшаго вѣка дала у себя возможность возникнуть и развернуться украинскому сепаратизму. Здѣсь, въ Галичинѣ, наши предки, альтрутины, отвѣтственны за то, что не воспрепятствовали образоваться здѣсь украинскомъ Піемонту послѣ извѣстнаго неудачнаго царскаго указа 1876 года, заставившаго украинцевъ перенести свой центръ сюда и отсюда готовить расчлененіе Россіи. И мы нынѣ отвѣчаемъ за то, что украинскій сепаратизмъ насаждается здѣсь среди нашего народа. Правда, есть смягчающія русскую вину обстоятельства. Въ Россіи виновницей этого была русская, отчасти и нерусская бюрократія, а не национально русская общественность, которая долго была лишена возможности вліять на ходъ внутренней и вѣнчаной политики государства. Но эта бюрократія была все-таки продуктомъ Россіи. Правда, наши альтрутины здѣсь не были въ состояніи помѣшать австрійскому правительству сдѣлать расколъ, ибо оно предварительно или попутно изгнало русскихъ галичанъ изъ школъ, церкви, вѣдомствъ сейма и парламента, но оно этого сдѣлать не смогло бы, если бы они въ своей оппозиціи въ этомъ вопросѣ были единодушны и неподатливы: вѣдь то же самое австрійское правительство пробовало насадить подобный сепаратизмъ среди австрійскихъ сербовъ, но это ему не удалось, а среди румынъ, итальянцевъ и др. своихъ народовъ даже не посмѣло этого попробовать. А вотъ тѣ же наши альтрутины провалили его пробы замѣ-

нить здѣсь русскую азбуку польскимъ; абецадломъ, юліанскій календарь грекоріанскимъ и мало что еще иное.

И нынѣ здѣсь, на русскихъ земляхъ, украинскій и бѣлорусскій сепаратизмъ — въ значительной степени по нашей же, русской, винѣ — держится и ширится. Не будь ему съ нашей, русской, стороны попустительства, равнодушія и пассивной съ нимъ примиримости, онъ не удержался бы, ибо самъ собой онъ слабъ, непрочень, шатокъ и несостоятеленъ. Каждый изъ насъ отдельно и лично, и всѣ мы вмѣстѣ несемъ нашу долю отвѣтственности за все это передъ будущимъ нашего народа и нашей отечественной исторіей, обязаны знать этого нашего противника и давать посильный дружный отпоръ его пополненіямъ на наше русское достояніе.

Наша борьба съ нимъ, одновременно и параллельно, можетъ и должна вестись въ двухъ направленіяхъ или двоякимъ образомъ: нашей рускостью и нашимъ ему противодѣйствіемъ, активнымъ сопротивленіемъ. Будучи сами русскими, пробуждая и укрѣпляя сознательность рускости въ нашемъ народѣ, развивая русскую культуру на нашей родной землѣ, мы тѣмъ самыми уже одолѣваемъ и устраняемъ украинскій и всякий сепаратизмъ безъ всякой съ нимъ полемики и споровъ. Гдѣ осознанная рускость упрочена, гдѣ царить во всемъ богатствѣ и величию русская культура, тамъ сепаратизму или вообще антирусскому движению мѣста ни доступа нѣть. Но вотъ имѣемъ передъ собой, напр., неосознанную рускость не одного довоенного россійского аристократа, которому аристократъ любой чужой национальности былъ ближе русскаго т. н. разночинца, мужика и мѣщанина, а съ другой стороны, возьмемъ того же русского мужика или мѣщанина, у которого эта рускость усыпана не осознана и для него самого неощущима, то увидимъ, что одинъ и другой податливъ на такой сепаратизмъ. И въ такомъ случаѣ по отношенію къ нимъ предстоитъ то же заданіе: оградить ихъ отъ вліянія на нихъ этого сепаратизма и разбудить и укрѣпить въ нихъ дремлющую рускость. Если бы въ довоенной Россіи молодежь въ школахъ получала русское национальное образованіе и воспитаніе, украинскій сепаратизмъ тамъ не возникъ бы, а малорусскія особенности такъ же значили бы и не представляли собой для Руси никакой опасности, какъ и на Западѣ провинціальная особенности для тамошнихъ великихъ націй. Если бы нынѣ здѣсь намъ, русскимъ, дана была возможность въ школахъ для нашего населенія учить и воспитывать молодежь по-русски, никакого украинскаго и бѣлорусскаго сепаратизма не было бы, а малорусскія и бѣлорусскія особенности нашего народа въ культурномъ развитіи, выраженіи и обогащеніи скорѣе бы отъ этого только выиграли. Это почти трюизмы, о которыхъ распространяться

незачемъ. Украинцы знаютъ это и пуще всего боятся этого. И на пунктѣ этого они всегда весьма чувствительны. На всякое проявленіе и усиленіе здѣсь русской культуры они слѣдятъ съ явной тревогой, какъ на смертельную для себя опасность.

Вотъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи. Есть у насъ здѣсь, во Львовѣ, мало кому нынѣ известное, но въ прошломъ славное о-во «Галицко-Русская Матица», основанное еще въ 1848 г., наподобіе тогдашнихъ другихъ славянскихъ «Матицъ»: сербской, чешской, словенской и т. д. И для исторіи этихъ народовъ столь важныхъ, что для означенія этого видный русскій эмігрантъ, профессоръ, кажется, Киевскаго университета Билимовичъ основалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Люблянѣ «Русскую Матицу». Но эта наша львовская Матица, посвященная галицко-русской наукѣ и литературѣ, въ послѣднія десятилѣтія мало подвижна. Украинцы считаютъ ее давно похороненной и забытой. Но разъ на нѣсколько лѣтъ, это общество выпускаетъ свой научно-литературный сборникъ на русскомъ литературномъ языкѣ, цѣликомъ посвященный Галицкой Руси, всего въ 5-6 печатныхъ листовъ. Появленіе этой скромной книжки вызываетъ въ украинской печати такое бѣшенство, что оно совсѣмъ несоизмѣримо со скромностью книжки. Несмотря на то, что въ относительныхъ отзывахъ достается крѣпко и мнѣ, и Ваврику, и Генсэрскому, и всѣмъ намъ, кто только посмѣль въ ней черкнуть что-нибудь, мы читаемъ эти отзывы не съ возмущеніемъ а скорѣе съ юморомъ. Почему же въ нихъ такая яростъ? Дѣло въ томъ, что эта книжка написана на русскомъ литературномъ языкѣ, цѣликомъ заполнена галицко-русскимъ материаломъ и разослана здѣшнимъ и заграниценнымъ научнымъ и литературнымъ учрежденіямъ, которыхъ такимъ образомъ изъ нея узнаютъ, что въ Галичинѣ есть русскіе и что свою мѣстную литературу и науку своимъ же читателямъ преподносятъ на общерусскомъ языкѣ.

Возьмемъ другой — весьма показательный случай. Задолго до войны на русскомъ литературномъ языкѣ написать, издать и переиздать сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній Маріанъ Феофиловичъ Глушковичъ. Послѣ войны онъ въ нашей общественной жизни почти что не участвовалъ, писать по-русски еще меньше, зато принадлежать къ двумъ-тремъ украинскимъ организаціямъ, писать кое-что въ ихъ юридическихъ изданіяхъ, и украинцы стали называть и считать его украинцемъ, хотя русскимъ онъ всегда былъ и остался до своей кончины. По случаю 35-лѣтія его писательской дѣятельности у насъ здѣсь годовь пять тому назадъ устроено было его юбилейное чествованіе. Иказалось, что наши украинцы могутъ только присоединиться къ этой нашей даниуваженія къ общему, такъ сказать, нашему и ихъ человѣку. Но

въ слѣдующіе дни украинская печать и особенно «Діло» разразились такими оскорблѣніями по адресу и юбиляра, и настѣ за то, что его чествовали, что все это выходило изъ границъ вообще допустимаго въ печати и хотя бы простого приличія. И видно было, что до такого неистовства довело украинцевъ то обстоятельство, что Глушковичъ писалъ свои стихотворенія по-русски.

Слѣдите и выясняйте, почему, напримѣръ, въ послѣдніе годы украинская печать все чаще и яростнѣе нападаетъ на русское православное духовенство на Волыни, Холмщинѣ, Полѣсїи и Виленщинѣ, причемъ эти священники называются теперь не какъ прежде русскими или россіянами, а только, какъ и мы, русскіе галичане, москофилы, кацапами, т. е. какъ будто безнаціональными симпатиками Москвы и Великороссіи, и за что? За ихъ проповѣди на общерусскомъ языкѣ, распространеніе религіозной печати на немъ, за якобы великорусское произношеніе въ богослуженіи, хотя каждый украинскій преподаватель гимназіи отлично знаетъ и помнить, что это произношеніе вовсе не великорусское, а первобытное, древнерусское, ибо вынужденъ быть нѣкогда учиться ему и въ гимназіи, и въ университетѣ и читать такъ договоры Игоря съ греками, «Слово о полку Игоревѣ», проповѣди мит. Илларіона и Луки Жидаты и многое другое. Эти украинскія нападки — страхъ передъ русской культурой. Внушаютъ имъ этотъ страхъ наши «Дни русской культуры», наши драматическія представленія и концерты изъ пьесъ русскихъ писателей и композиторовъ на русскомъ литературномъ языкѣ, наши декламаціи стихотвореній, рѣчи къ народу, даже разговоры между собой.

До войны здѣсь, въ Галичинѣ, украинцы имѣли цѣлый рядъ своихъ кафедръ въ Львовскомъ университѣтѣ и свои среднія школы (гимназіи, учительскія семинаріи и др.), правительственные и частныя, буквально въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, и народныя школы по селамъ. Мы, русскіе, ни одной и никакой. Но притокъ русской интеллигенціи и молодежи все-таки увеличивался, и, ссылаясь на это, наши представители стали ходатайствовать передъ австрійскими властями о разрѣшеніи намъ открыть, напр. во Львовѣ, одну частную русскую гимназію. Наши переговоры съ властями были совершенно безнадежны, но кто-то пустить слухъ, вѣроятно только какъ пробный шаръ, что будто власти готовы дать намъ такое разрѣшеніе. Въ украинскомъ станѣ сама возможность этого вызвала настоящую панику Въ передовой «Діла», преисполненной тревоги и отчаянія, высказывалось опасеніе, почти увѣреніе, что, если такая гимназія будетъ открыта, этимъ все украинское движение будетъ убито. Украинскіе лидеры заметушились въ Вѣнѣ и во Львовѣ, правительство намъ разрѣшенія не дало и «громадянство» успокоилось.

Нынѣ оно такъ же боится, какъ тогда. Къ его счастью, а нашему несчастью, наша русская общественность все еще не уясняетъ себѣ этихъ его опасеній и почти ничего не дѣлаетъ въ томъ направленіи, чтобы бить противника могущественнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ оружіемъ — русской культурой.

Эти нѣсколько замѣчаній я считалъ нужнымъ предпослать изложенію исторіи украинскаго сепаратизма, потому что у насъ этотъ необходимый параллелизмъ russкости и активнаго противодѣйствія въ отношеніи къ сепаратизму не наблюдался, и это имѣло для насъ роковыя послѣдствія. Въ Россіи, хотя и во всеоружіи russкости и russкой культуры, боролись съ сепаратизмомъ царскими указами; у насъ, въ Галичинѣ, наши предки боролись съ нимъ только идеино и келейно, выказывая его несостоятельность, беспочвенность и зависимость отъ вражихъ круговъ, а въ результатѣ и тамъ, и здѣсь онъ ширился и укрѣплялся.

Въ украинствѣ слѣдуетъ различать два аспекта, вида, всего процесса: украинское, лучше и точнѣе сказать, малорусское движение и украинскій сепаратизмъ. Украинскій сепаратизмъ на Руси — явленіе новое, совсѣмъ недавнее. Оно нынѣ въ возрастѣ приблизительно сорока лѣтъ. А украинское движение гораздо старше его, хотя опредѣлить его возрастъ затрудняются сами украинцы. Правда, они отодвигаютъ его начало возможно наидалѣ въ прошлое и относять къ началу XIX в., т. е. къ появлѣнію перелицеванной «Энеиды» Котляревскаго, но отъ этого получается для нихъ же самихъ неудобная неувязка, какъ теперь принято говорить, ибо все украинское движение первой четверти XIX в. мало того, что не носитъ никакихъ признаковъ украинскаго сепаратизма, что для украинцевъ весьма досадно, и что оно таковыемъ продолжаетъ оставаться долго и позднѣе, въ этомъ еще полѣды, но самое чувствительное бѣдствіе — въ томъ, что оно и не такое украинское, какимъ они его хотѣли бы видѣть, а скорѣе полурусско-полуукраинскаго типа, словомъ Гоголевскаго типа. И это понятно и естественно. Вѣдь украинскіе писатели того периода: Нарѣжный, Гнѣдичъ отецъ великаго писателя Василій Гоголь и др., пишущіе на украинскія темы, но и по-украински, и по-русски, прямые предшественники Н. В. Гоголя и изъ-за Гоголя они ближе русскимъ, чѣмъ украинцамъ. Два титана russкаго художественного слова, отъ которыхъ — выражаясь по-лѣтописному — вся новѣйшая russкая литература пошла есть, Пушкинъ и Гоголь, имѣли своихъ предшественниковъ, первый — на сѣверѣ, великороссовъ: Ломоносова, Дмитрева, Державина и мн. др., второй — на югѣ, многихъ малороссовъ, и, какъ одни, такъ и другіе, въ этомъ именно качествѣ и вошли въ ея исторію, вышедшую изъ подъ пера такихъ учё-

ныхъ, какъ Пыпинъ, Порфириевъ и др., или же въ школьніе учебники литературы Галахова, Незеленова, Саводника и др. — одинаково. Собственно же малорусская литература и малорусское движение ведутъ свое начало отъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства (около 1846 г.), т. е. отъ Шевченка, Кулиша, Костомарова и др., но и въ нихъ не замѣчается украинскаго сепаратизма еще долгіе годы. Скорѣе, напротивъ, въ нихъ выступаютъ яркія черты общерускости, на что и указать въ своей интересной статьѣ «Юрій Бродскій (псевдонимъ): Russкая стихія въ сочиненіяхъ украинскихъ писателей» д-ръ Юрій Иван. Демьянчикъ въ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы т. VIII, Львовъ, 1934 г. Правда, замѣтны уже пробы использования українства для сепаратизма во время двухъ польскихъ восстаній 1831 и 1863 годовъ, но съ минимальнымъ успѣхомъ. Тѣль этого сепаратизма ложится на украинское движение въ Россіи только въ 70-хъ годахъ XIX в. уже здѣсь, въ Галичинѣ, оно превращается въ тотъ украинскій сепаратизмъ, который таковыемъ понимается и нами, и украинцами.

Сугубо и съ удареніемъ подчеркиваю это съ той цѣлью, чтобы въ нашемъ подходѣ къ вопросу, въ нашихъ заявленіяхъ, статьяхъ и разговорахъ съ украинцами различались двѣ разныя вещи: украинское движение и украинскій сепаратизмъ. Украинское движение нѣкогда и долго не имѣло свойствъ сепаратизма, а съ недавняго сравнительно времени и нынѣ оно имъ всецѣло проникнуто, но въ будущемъ, въ иныхъ, особыхъ условіяхъ, оно снова его можетъ лишиться. Тогда оно намъ, russкимъ, будетъ не только пріемлемо, но и симпатично.

Такимъ образомъ сама собой намѣчается та грань, которая въ этомъ движениі отдаѣляетъ одинъ периодъ отъ другого и измѣняетъ наше къ нему отношеніе — это половина 70-хъ годовъ на югѣ Россіи и начало XX вѣка здѣсь, въ Галичинѣ, причемъ скорѣе берется во вниманіе галицкое украинское движение преимущественно, ибо на Українѣ до самой первой революціи въ Россіи 1905—06 годовъ оно скрывалось въ подпольѣ, а въ его изданіяхъ, журналѣ «Кievская Старина» и др. особенно ярко проявлять свой сепаратизмъ, конечно, ему было трудно.

Такая недавность его, скажемъ просто, новость его украинцамъ крайне неудобна, и они всячески ухитряются, отодвинуть вглубь вѣковъ если не само движение, то, по крайней мѣрѣ, тѣ малорусскія особенности, на которыхъ оно якобы основывается. Изъ russкой исторіи, исторіи russкихъ нарѣчій, языка, литературы и культуры ими выдѣляются, выхватываются такія черты, эпизоды, моменты, явленія и события, которая можно бы представить какъ противоположность, различие, отчужденность между russкими югомъ и сѣверомъ, и такимъ образомъ на протяженіи долгихъ вѣковъ проводится ихъ совершенное раздѣле-

ніє. Всѣ эти ихъ потуги, конечно, неудачны, напрасны и не выдерживаютъ критики, и русскими, и чужестранными историками опрокидываются скоро, легко и безповоротно, такъ, что намъ въ борьбѣ съ украинскими сепаратистами остается только на относительная возраженія ссылааться. Ниже приводимый перечень такихъ украинскихъ утверждений и русскихъ на нихъ возраженій даетъ нѣкоторое представление о сущности споровъ. Конечно, этотъ перечень не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ и примѣровъ, да и вообще онъ никогда не можетъ быть исчерпывающимъ, такъ какъ, срѣзавшись на одномъ неудавшемся утвержденіи, украинцы выѣзжаютъ съ другимъ, такъ же блестящемъ.

Нынѣ, напр., въ украинскихъ юбилейныхъ статтяхъ и брошюрахъ мы читаемъ съ изумленiemъ, что «украинскій» князь Владимиръ крестилъ «Украину» и вслѣдъ затѣмъ подчинилъ ее церковной власти папы римского и самъ былъ католикомъ. Но извѣстно, что такие курьезы имѣютъ уже свою исторію. Припомните, что въ вышедшемъ въ началѣ сего вѣка первомъ толстомъ томѣ «Исторіи Украины-Руси» Михаила Грушевскаго украинцы выведены отъ антовъ, обитавшихъ на югѣ Россіи въ доисторическія времена. Послѣ того, какъ осмѣяли это и русскіе, и чужие историки, анты какъ украинцы были заброшены, но нынѣшній украинскій историкъ Шульгинъ выводить ихъ отъ кельтовъ съ такимъ же успѣхомъ и такою же славой. Гоняться за такими ихъ пробами-неудачами трудно, да и незачѣмъ. Достаточно остановиться на главнѣйшихъ и тѣхъ, которая нынѣ особенно въ ходу.

Въ украинской исторіи особенно сильно подчеркиваются всегда разрозненность и обособленность древнихъ русскихъ племенъ съ той цѣлью, разумѣется, чтобы далѣѣ тѣмъ легче вывести изъ этого позднѣйшую отчужденность и рознь между Малороссіей и Великороссіей. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что ихъ объединяли общіе: древнерусскій языкъ, тѣ же занятія, жизнь и бытъ, языческія вѣрованія, принадлежность къ той же восточной (русской) вѣтви славянъ, необходимость общей самозащиты отъ тѣхъ же виѣшнихъ враговъ, и многое другое, причемъ они, разселенные на огромной равнинѣ, не только не встрѣчали никакихъ природныхъ препятствий этому своему единенію, но, напротивъ, равнинность территории и полноводность и тихое теченіе въ разныхъ направленіяхъ большихъ рѣкъ этому единенію весьма содѣствовали. Объединяла ихъ также общая, древняя (хотя и весьма примитивная) культура.

Относительно разселенія этихъ племенъ украинцы, правда, признаютъ, что разселеніе русскихъ племенъ пошло съ Карпатъ на сѣверо-востокъ, но въ дальнѣйшемъ они сильно преувеличиваютъ значеніе Киева какъ чуть ли не единственного культурного центра, изъ него выво-

дятъ колонизацію всего сѣверо-востока, причемъ, по ихъ мнѣнію, выходцы изъ Киева на сѣверо-востокѣ, сильно смѣшившись съ финскими племенами, рано утеряли свои племенные особенности и образовали особый малославянскій и даже совсѣмъ не славянскій народъ, во всякомъ случаѣ совершенно отличный отъ украинцевъ даже тогдашнихъ временъ. Подобный взглядъ у нихъ и на возникновеніе и укрѣпленіе русской государственности. Между тѣмъ извѣстно, что на водномъ пути изъ «варягъ въ греки» уже на зарѣ русской исторіи былъ рядъ крупныхъ торговыхъ и культурныхъ центровъ, а изъ нихъ главными два: на сѣверѣ — Новгородъ, на югѣ — Киевъ. Первые основы русской государственности положены были въ Новгородѣ и оттуда перенесены и въ Киевъ. Колонизация сѣверо-востока шла ранѣе, интенсивнѣе и дальше изъ Новгорода, чѣмъ изъ Киева, государственность также. Во всякомъ случаѣ, позднѣйшій великорусскій типъ — продуктъ въ одинаковой мѣрѣ и сѣвера (Новгорода), и юга (Киева), и въ немъ чужеплеменной смѣси нисколько не больше, чѣмъ въ малорусскомъ, впитавшемъ въ себя много крови и свойствъ аваровъ, половцевъ, печенѣgovъ и другихъ.

Относительно языка и нарѣчій. Совершенно ошибочно украинское утвержденіе, будто въ глубокой древности происходила группировка племенъ на югѣ, сѣверѣ и по серединѣ того рода, что легла въ основу образованія велико-мало- и бѣлорусского нарѣчій, которыя якобы уже въ XI-XII вѣкахъ и сложились. Такому утвержденію прежде всего противорѣчить фактъ, признаваемый и украинцами, что эти племена слились въ одномъ русскомъ народѣ и исчезли очень рано и уже въ XII в. о нихъ нѣть никакого слѣда ни помина. Вместо нихъ на Руси выступаютъ княжеские удѣлы, нисколько не замѣняющіеся и не покрывающіеся территориально (или какъ бы тамъ ни было) прежними племенами. Племена давно исчезли, а упомянутыхъ трехъ нарѣчій долго еще не было. На всемъ огромномъ пространствѣ царилъ одинъ общий древнерусскій языкъ. Каковъ онъ собственно быть, мы нынѣ не знаемъ, но оставшіеся отъ него до нынѣ архаизмы, которые сохранились въ томъ же видѣ и смыслѣ и на сѣверѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, и на югѣ, и у нашихъ гуцоловъ и въ Закарпатской Руси, показываютъ, что онъ былъ одинъ и общий. Первые же слѣды дифференціаціи на три нарѣчія появляются только въ XIII-XIV вв., причемъ на образованіе великорусского повліяли также въ одинаковой мѣрѣ какъ Киевъ, такъ и Новгородъ и Бѣлая Русь, вслѣдствіе чего между нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ большое сходство. А малорусское сложилось нѣсколько позднѣе въ XIV-XV вв. и въ иныхъ условіяхъ. Именно изъ разгромленной и опустошенной татарами въ 1240 г. и слѣд. Киевщины почти все населеніе ушло частью на сѣверо-востокъ, въ Рос-

товъ, Сузdalъ, Муромъ и т. д., частью же — на юго-западъ: на Волынь, въ Галичину, Подолье, Буковину. Все Поднѣпровье съ Черниговомъ и Переяславлемъ больше двухъ столѣтій оставалось пустыней. Языкъ той части населенія, которая ушла на юго-западъ подъ вліяніемъ польскаго и др. языковъ немного измѣнился, особенно въ произношеніи нѣсколько-
кихъ гласныхъ и въ нѣкоторыхъ формахъ, превращаясь въ малорусское нарѣчіе, которое, правда, по возвращеніи на Днѣпръ обѣихъ частей отъ полонизмовъ значительно очистилось, но это новое, малорусское произношеніе сохранило. Между тѣмъ какъ велико- и бѣлорусское нарѣчіе древнее произношеніе задержали и, что самое важное, великорусское значительно обогатилось выраженіями, формами и оборотами, заимствованными изъ церковно-славянского языка, въ резулѣтатѣ чего тѣмъ скорѣ и легче могло стать впослѣдствіи общерусскимъ литературнымъ языкомъ.

Относительно имени: Русь — русскій. Не вдаваясь въ подробности относительно его происхожденія и распространенія, укажемъ только коротко: оно очень рано, ибо въ IX в. принялось и осталось на Руси. Українцы, ссылаясь на то, что оно относилось первоначально только къ Кіеву, что, впрочемъ, вѣрно, но затѣмъ, заявляютъ они, москали это имя присвоили себѣ, сирѣчь «украли», какъ прямо это и называется, из-за чего украинцы вынуждены отъ него отказаться и держаться названія: «Украина» и «украинскій». Относительно имени «Русь» и «русскій» отсылаю къ брошюрѣ кн. Волконскаго «Имя Русь», а название: «Украина» — «украинскій» недавно прекрасно выяснилъ въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ О-вѣ «Другъ», А. И Генерскій, и этотъ его докладъ слѣдуетъ непремѣнно издать.

Постоянныя и страстныя украинскія нападки на церковно-славянскій языкъ вызваны тѣмъ выше указаннымъ фактамъ, что онъ — основа и источникъ развитія общерусского литературного языка и свидѣтель его единства. Они обычно называютъ его «мертвичиной», которая будто бы задержала развитіе «украинской мови і літератури» — взглядъ совершенно ложный и крайне несправедливый, ибо какое огромное значеніе имѣть церковно-славянскій языкъ вообще для развитія языка, и литературы на Руси — извѣстно, а специально юго-западная Русь обязана своимъ спасеніемъ отъ денационализациі въ прошлыхъ вѣкахъ. Прежде всего — церковно-славянскому языку и вообще Церкви.

Подобныя же соображенія заставляютъ украинцевъ относиться сдержанно къ подлинникамъ старинныхъ русскихъ письменныхъ памятниковъ. Они считаютъ ихъ, правда, также своими, но изъ-за ихъ языка неохотно приводить ихъ подлинные тексты, а представляютъ ихъ почти исключительно въ своихъ плохенькихъ переводахъ. Иногда они и

впрямь и даже въ печати высказываютъ опасеніе, что эти древнерусскіе памятники своимъ содержаніемъ и особенно своимъ языкомъ могутъ вести ихъ учащуюся молодежь къ москофильству и обрученію. Намъ же необходимо всегда имѣть въ виду и помнить, что хотя — какъ сказано — первые слѣды дифференціаціи на три нарѣчія и появляются съ XIV в., но книжный языкъ тогда и еще долго позднѣе остается одинъ общій, тогдѣ же въ Кіевѣ, Новгородѣ, Суздалѣ, Москвѣ, Галичѣ и Пере-
мыслѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ и др. культурныхъ центрахъ.

Особенно важнымъ всеобъединяющимъ началомъ на Руси было христіанство, принятое съ Востока, Царыграда, Константинополя, т. е. православное христіанство Руси, давшее намъ всю книжность и всю духовную культуру (искусства). Жалкія попытки Запада связать Русь унієй съ Римомъ были неудачны и малорезультативны, по поводу всегдашняго тяготѣнія уніатовъ къ православію.

Остановимся на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктахъ въ исторіи, на которыхъ мы съ украинцами особенно рѣшительно расходимся. Извѣстно, что объединяла Русь особенно сильно династія Рюриковичей. Українцы, конечно, не отрицаютъ самого факта княженія этой династіи во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ, но выдвигаютъ и подчеркиваютъ княжескія междуусобицы, которыя, по ихъ мнѣнію, вели или могли вести къ разрыву и антагонизму между Великороссіей и Малороссіей и вообще къ украинскому сепаратизму. Между тѣмъ давно и безповоротно доказано, что частые переходы однихъ князей въ другія княжества со своими дружинами и были однимъ изъ самыхъ мощныхъ объединительныхъ звеньевъ. Князья изъ далекихъ Новгорода, Ростова, Суздаля, Владимира-на-Клязьмѣ, Москвы, чувствовали себя дома на югѣ и западѣ, въ Кіевѣ, Тмуторокані, Галичѣ, Переяславлѣ, Владимірѣ, Волынскомъ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, т. е. на своей родной русской землѣ, среди своего русского народа, въ своемъ одномъ великому государствѣ. Всѣ эти военные походы князей другъ на друга, переселенія съ одного княжескаго стола на другой, распри, примиренія и союзы, оживленныя сношенія, въ которыхъ всѣ пользуются однимъ и тѣмъ же дипломатическимъ языкомъ — роднымъ русскимъ, и многое другое — только укрепляли въ князьяхъ, дружинникахъ и народѣ сознаніе этого единства. Правда, распри и междуусобицы ослабляли сопротивленіе Руси вѣнчанымъ врагамъ и обѣ этомъ постоянно скорбятъ и лѣтописцы, и пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», но къ племенному сепаратизму не вели, на-
противъ, содѣйствовали ознакомленію и взаимному сближенію отдѣльныхъ областей. Не замѣчательно ли, что русскихъ князей и на сѣверо-востокѣ, и на юго-западѣ все то приглашаютъ, то прогоняютъ, а, вотъ чужихъ, не русскихъ, на столь не пускаютъ, а если послѣднимъ,

нпр., венгерскимъ въ Галичѣ и Переяшлѣ, нѣмецкимъ въ Новгородѣ и Псковѣ, случайно удалось захватить власть, они прогонялись скоро и, какъ говорится, въ серіезъ и надолго. Правда, нынѣ польскіе историки указываютъ на то, что наше здѣшнее боярство призвало во Львовъ послѣдняго князя Болеслава Тройденовича. Конечно, наше боярство западнымъ вліяніемъ было деморализовано, но все-таки нельзя забывать, что Болеславъ Тройденовичъ былъ православный потомокъ галицко-русскихъ князей и что, узнавъ о томъ, что онъ сталъ католикомъ и вводить католичество, тѣ же бояре его отравили.

Остановимся немножко дольше на одномъ прискорбномъ фактѣ — разореніи и ограбленіи Киева сузdalскимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 г. Кажется, нѣть такой украинской исторіи, въ которой бы не высказывалось самое острое возмущеніе по этому поводу и не приводилось это въ доказательство страшной вражды между сѣверомъ и югомъ. Подобная разоренія и ограбленія отдельныхъ городовъ князьями совершились не разъ и повсюду на Руси, да и не только на Руси, а во всѣхъ государствахъ, на Западѣ также. И до того Киевъ уже не разъ былъ взятъ и ограбленъ. Къ этому времени онъ былъ уже въ упадкѣ и могъ стать, и позднѣе дѣйствительно стала, добычей половцевъ и другихъ степныхъ хищниковъ и наконецъ татаръ. Можно ли особенно строго осуждать Андрея Боголюбскаго за то, что онъ, считаясь съ этой угрозой, ограбилъ и разорилъ Киевъ? Что онъ его драгоцѣнности вывезъ въ свою столицу на сѣверъ далекомъ, въ Суздалѣ? Считать ли намъ это его преступленіе актомъ непріязни, вражды, сепаратизма между сѣверомъ и югомъ? А вѣдь и на сѣверѣ самомъ впослѣдствіи Москва взяла и ограбила Новгородъ и Псковъ, находившіеся также подъ постоянной угрозой со стороны шведовъ, нѣмцевъ, литовцевъ и поляковъ. Это, конечно, прискорбная событія, но на нихъ нынѣ мы должны смотрѣть съ точки зрѣнія ихъ историческихъ послѣдствій, что, быть можетъ, и не трудно, когда теперь эта наша скорбь, и это украинское возмущеніе теряютъ свою остроту въ виду тяжелой судьбы Абиссиніи, взятой италіанцами, и Австрии и частей Чехословакіи, взятыхъ Гитлеромъ и еще кое-кѣмъ.

Андрей Боголюбскій быть на югѣ популяренъ какъ внукъ вел. князя Кіевскаго Владимира Мономаха. Его отецъ, ростовско-сузdalский князь, Юрій I (1090—1157), добыть Киевъ и княжилъ въ немъ съ 1149 г. по 1151 г. и съ 1154 г. до своей смерти. Самъ Андрей Боголюбскій, правда, не любилъ юга и предпочиталъ княжить на сѣверѣ, но и не желалъ, чтобы Киевъ сталъ добычей половцевъ и др. наездниковъ. Онъ хотѣлъ стать великимъ княземъ всѣя Руси, но на сѣверѣ. Нынѣ неизвѣстно и трудно знать, было ли разореніе и ограбленіе Киева предна мѣреніемъ политico-военнымъ актомъ или нѣть, если же оно тако-

вымъ было, то это было съ его стороны проявленіе самовластия съ государственно-самодержавной цѣлью. Политический центръ уже тогда передвигался изъ Киева въ Сузdalъ. Населеніе изъ Кіевщины массами уходило на сѣверо-востокъ. Андрей Боголюбскій врагомъ Кіеву не былъ: онъ вѣдь былъ родомъ кіевлянинъ, его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и дальнѣйшіе предки были великими князьями въ Кіевѣ на протяженіи семи поколѣній. Тогда еще, какъ сказано выше, не было развѣтленія русской народности на велико-блѣло- и малороссовъ. О какой бы ни было племенной розни, которую хотѣть тогда видѣть украинцы, не можетъ быть рѣчи. Вѣдь тотъ же Андрей Боголюбскій, сузdalский князь, вѣль воину съ Новгородомъ. Москва навязала впослѣдствіи свое господство Твери и Новгороду, съ которой воевала 200 лѣтъ, но никто еще не отрицалъ изъ-за этого единоплеменность москвичей, новгородцевъ и тверичей, напротивъ, эта борьба только объединила великороссовъ. Никакихъ слѣдовъ ненависти юга къ сѣверу изъ-за разоренія и ограбленія Киева Андреемъ Боголюбскимъ не осталось, и украинцы ихъ не показываютъ. Лѣтописецъ, конечно, скорбить о разореніи Киева, но не иначе и не больше чѣмъ, нпр., «Слово о полку Игоревѣ» вообще о княжескихъ междуусобицахъ. Нѣть вражды изъ-за этого и въ кіевскихъ бывинахъ, возникшихъ на югѣ, но, какъ извѣстно, сохранившихся на сѣверѣ. Нѣть вражды изъ-за этого и въ «Словѣ о полку Игоревѣ», а вѣдь оно посвящено походу того Игоря, кн. Новгорода Сѣверскаго (къ югу отъ Чернигова, между Черниговомъ и Переяславлемъ), который быть южанамъ особенно дорогъ. Мало того, скажемъ, или лучше скажемъ, напротивъ, тамъ имѣется что-то скорѣе въ пользу этого самаго якобы жестокаго Андрея Боголюбскаго. Тамъ сказано, что великій кн. Кіевскій Святославъ «изронилъ золотое слово, орошенное слезами» и звалъ всѣхъ родныхъ князей вступиться «за обиду, за землю русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича», звалъ Ярослава Осмомысла Галицкаго, Рюрика и Давида Смоленскихъ, Романа и Мстислава Волынскихъ и князя Всеволода. И именно этого послѣдняго такимъ высокопоэтичнымъ воскликомъ: «Великій князь Всеволодъ, прилетѣть бы тебѣ издалека, чтобы отцовскій золотой престоль поблести. Ты можешь Волгу веслами забрызгать, а Донъ вычерпать шлемами». А кто же этотъ такой всемогущій Всеволодъ, на котораго пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» возлагаетъ такія преувеличенныя надежды? Это родной братъ Андрея Боголюбскаго, разорившаго Киевъ въ 1169 г. Это Всеволодъ III, Большое Гнѣздо, какъ онъ въ русской исторіи называется, умершій въ 1212 году. А авторъ «Слова о полку Игоревѣ», самъ южанинъ, во всякомъ случаѣ, нѣкоторые историки хотѣть въ немъ видѣть галичанина, онъ дружинникъ великаго князя черниговскаго. Ему Владимірскій князь —

князь суздальской земли такъ же близокъ, какъ и князь галицкій или волынскій. А вѣдь воспѣтый имъ походъ князя Игоря на половцевъ былъ въ 1185 г., всего 16 лѣтъ спустя послѣ разоренія Киева Андреемъ Боголюбскимъ и, однако, въ его поэмѣ нѣть никакого слѣда непріязни южанъ къ сѣверянамъ, ни жалобъ, ни намека на это прискорбное со- бытие, а, напротивъ, похвала родному брату разорителя.

Зато украинскіе историки старательно затушевываютъ рознь и ан- тагонизмъ, напр., между Галичемъ и Киевомъ, доходившіе иногда до безпощаднаго поголовнаго истребленія рати противника и до вопію- щаго предательства, напр., южный князь Изяславъ противъ Киева за- ключилъ въ 1149 г. союзъ съ королями венгерскими и польскими.

Такъ же точно въ украинской исторіи затушевывается и умаляется или даже скрывается такой важный фактъ, какъ поочередное передвиже- ніе главныхъ центровъ Руси и прямая и безпрерывная преемственность государственности. Правда, въ ней упоминается, что послѣ паденія Киева поднялись на юго-западѣ Галичъ и на сѣверо-востокѣ Сузdalъ и затѣмъ Москва, но связи между ними нѣть никакой. Ни словечкомъ въ ней не упоминается о такой великой исторической личности, какъ Петръ Ратенскій, уроженецъ Галичины и бывшій игуменъ м-ра на р. Ратѣ (въ Жолковскомъ уѣздѣ), который былъ впослѣдствіи первымъ митрополи- томъ московскимъ, совѣтчикомъ и сотрудникомъ вел. кн. Московскаго Ивана Даниловича Калиты въ его великомъ дѣлѣ собиранія русскихъ земель вокругъ Москвы, и который за свои громадныя заслуги также для русской православной Церкви причисленъ къ лицу Ея святыхъ.

Зато въ украинской исторіи особенно подчеркивается мнимая обособленность даже отчужденность юго-западной Руси въ литовско- русскомъ государствѣ и въ Польшѣ отъ Московской Руси. Можно ли о такай обособленности и отчужденности толковать, видимъ изъ слѣду- ющихъ фактovъ: границы между Литвой, Польшей и Московскимъ государствомъ почти не охраняются и обычно легко переходимы, литовско-русские князья со своими областями переходятъ подъ москов- ское владычество и московскіе подъ литовско-польское. Въ Литвѣ- Польшѣ Православная Церковь возглавляется долгіе вѣка митрополитами московскими, затѣмъ усиленнымъ ходатайствомъ литовскихъ великихъ князей и польскихъ королей уже особымъ митрополитомъ въ Киевѣ, но вскорѣ Киевъ съ этимъ митрополитомъ «кіевскимъ и галицкимъ» очу- тился подъ владычествомъ московскимъ великихъ князей и царей и на- всегда остается въ Россіи, хотя эту Церковь въ Литвѣ-Польшѣ воз- главляетъ до самаго раздѣла Польши. Живой культурный обмѣнъ меж- ду литовско-польской Русью и московской происходитъ безостановочно, прежде всего посредствомъ православнаго русскаго духовенства, пе-

реѣзжающаго границу и проповѣдующаго на одномъ и томъ же языкѣ въ одномъ и другомъ государствахъ, книгами и вообще изданіями и тог- дашними образованными людьми, доброхотными переселенцами и вынужденными бѣженцами. Изъ Москвы отъ Ивана Грознаго бѣгутъ въ Литву-Польшу князь Мих. Курбскій съ товарищами и въ сотрудничес- твѣ съ кн. К. К Острожскимъ славно оба подвизаются на культурномъ поприщѣ, вскорѣ также первопечатникъ Иванъ Феодоровъ уходитъ въ Литву, къ православнымъ все еще Ходкевичамъ, и оттуда во Львовъ, гдѣ основываетъ нашу братскую типографію и наконецъ къ тому же кн. Ост- рожскому. Но послѣ берестейской унії 1596 г. и нѣсколькихъ вели- колѣпно формулированныхъ т. нзв. «ugod — konkordij» уже бѣгутъ въ го- раздо большемъ количествѣ изъ Литвы-Польши въ Москву люди всѣхъ сословій и занятій, а по присоединеніи Малороссіи къ Россіи Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 г. огромное большинство малорусскихъ ученыхъ переселяется въ Москву, вырабатываетъ тамъ общерусскій liter. языкъ и общерусскую письменность при Алексѣй Михайловичѣ и затѣмъ сотрудничаетъ съ Петромъ Великимъ въ строительствѣ Российской имперіи. О какой же обособленности и отчужденности малороссовъ отъ великороссовъ тутъ можетъ быть рѣчь. Даже по истребленіи правос-лавныхъ оставшіеся въ Литвѣ-Польше уніаты только съ восточно-право-славнымъ обрядомъ и церковно славянскимъ языккомъ въ богослуже-ніи и тѣ своей связи съ Москвой никогда не прерывали.

И эта долговѣковая безпрерывная связь юго-западной Руси съ мос-ковской задолго до присоединенія къ ней Малороссіи была окуплена очень дорого великимъ геройскимъ подвигничествомъ съ обѣихъ сто-ронъ и огромными жертвами. Если намъ извѣстно изъ нашей галицко- русской и украинской исторіи много и хорошо о героизмѣ и жертвахъ съ южнорусской стороны, то намъ надо быть справедливыми и знать и помнить геройство и жертвы съ московской. Конечно, по примѣру на-шихъ видныхъ галицко-русскихъ историковъ: Зубрицкаго, Петрушеви-ча, Шараневича и я себѣ иногда позволяю писать и подчеркивать, что въ эпохальной битвѣ вел. кн. московскаго Дмитрия Донского на Кулико- вомъ полѣ въ 1380 г. противъ татарскихъ полчищъ Мамая участвовали и наши предки галичане, и волынцы, что въ трагический моментъ, когда подъ сокрушительнымъ ударомъ и послѣ страшныхъ потерь московскіе полки уже дрогнули, кн. волынскій Дмитрій Михайловичъ Боброкъ внезапнымъ налетомъ со своимъ отрядомъ со стороны сыгралъ чуть не рѣшающую роль въ этой битвѣ — все это льстить нашему патріотич- ному самолюбію, мы всѣмъ этимъ гордимся, какъ гордимся и тѣмъ, что наши галицко-русские ратники и князья участвовали въ походахъ Руси на половцевъ и въ битвѣ на р. Калкѣ — но ни они не забывали и мы нынѣ

не можемъ и не смѣемъ забывать, что рѣшена была эта битва и съ нею давнѣйшая судба Руси вообще колоссальными жертвами Москвы, а участіе въ ней и юго-западной Руси было минимально; да и значительнымъ не могло быть, ибо она сама находилась подъ властью тѣхъ же татаръ и турокъ, Литвы-Польши. Только немногіе ея доблестные сыны, преодолѣвая всѣ затрудненія, смогли поспѣшить Москвѣ на помощь, причемъ слѣдуетъ помнить, что одновременно спѣшилъ туда же изъ Литвы Владиславъ Ягайло, но, увы, на помощь Мамаю и противъ Москвы, но, къ счастью русскихъ, опоздалъ и прибылъ, когда уже разбитый Мамай бѣжалъ.

Конечно, какъ украинцамъ, такъ и намъ грустно становится при чтеніи у Костомарова, какъ Богданъ Хмельницкій съ Малороссіей напрашивается на подданство Москвѣ, а она (т. е. боярская Дума и царь Алексѣй Михайлович) все колеблятся, все медлятъ принять его, но надо знать, что ихъ нерѣшительность и медлительность подсказывались государственной мудростью и осторожностью, ибо это принятіе Малороссіи означало новую, неминуемую войну съ Польшей и тяжкій вопросъ, выдержить ли ее московское государство. Это не была московская гордыня царя и думскихъ бояръ въ виду погибающихъ и умоляющихъ о помощи хохловъ, какъ это истолковывается украинской исторіей. Вѣдь всѣ московскіе великие князья и цари и бояре во всѣхъ дипломатическихъ нотахъ сосѣдямъ называли земли юго-западной Руси свою законной «отчиной» и за нихъ воевали. Вѣдь, по Ключевскому, за эти земли Москва воевала съ Швеціей, Ливоніей, Литвой, Польшей за 103 года (1492 по 1595) полныхъ 50 лѣтъ, значитъ, годъ воевала и годъ отдыхала въ теченіе свыше столѣтія. Вѣдь, принявъ въ подданство Хмельницкаго съ Малороссіей, Москва воевала съ Польшей съ краткими перерывами 13 лѣтъ (1654–1667) и смогла эту войну закончить всетаки не полнымъ миромъ, а только перемириемъ (Андрусовскимъ). Чтобы выдержать эту тяжесть, Москвѣ потребовалось суровое, а то и жестокое самодержавіе и крайнее напряженіе всѣхъ силъ и всѣхъ человѣческихъ и материальныхъ ресурсовъ. А изгнать изъ южнорусскихъ степей азиатовъ и овладѣть Чернымъ моремъ, не было подъ силу ни дотатарской единой Киевской Руси, ни Москвѣ или Украинѣ, ни Польшѣ, ни Литвѣ. «Только Россійская имперія, т. е. вся полнота русского міра, оказалась достаточно мощной, чтобы овладѣть югомъ русской равнинъ», — пишетъ кн. Волконскій.

Что въвиду этихъ всероссійскихъ жертвъ значить вопль въ украинской исторіи о томъ, что, напр., Петербургъ построенъ на украинскихъ костяхъ? Не исключительно на украинскихъ, но и на великорусскихъ въ значительной мѣрѣ. А если и на украинскихъ, то не малорусского про-

стого народа, а казацко-шляхетскихъ бунтарей, которыхъ этотъ народъ тогда справедливо уже сильно ненавидѣлъ. Но при этомъ вспомнимъ и тѣ уже многотысячныя кости, которыя почти одновременно легли подъ Полтавой. И тѣмъ паче стотысячныя кости, устлавшія собою путь на шествія Наполеона на Москву. Наконецъ всѣмъ намъ, малороссамъ, особенно галичанамъ, во вѣчно-благодарной памяти сохранить тѣ уже миллионные русскія кости, которыми покрылись Карпаты въ 1914, 1915 и 1916 годахъ, при насъ, еще живыхъ свидѣтеляхъ. Тогда, быть можетъ, дальнѣе въ украинской исторіи мы съ меньшимъ трагизмомъ будемъ принимать къ сердцу, конечно, жалкую судьбу украинской Запорожской Сѣчи, которую Екатерина II «зруйновала», перемѣщая послѣдніхъ запорожцевъ на Кубань. Куда же она ихъ должна была перемѣстить, разъ западная граница Россійской имперіи отодвинулась до Збруча и верхняго Буга? Или же она должна была отставить ихъ на Днѣпровскихъ порогахъ выжидать съ запада прихода иного Карла? Да и не лучше ли украинцамъ спросить самихъ нынѣ еще въ эмиграціи здравствующихъ кубанцевъ, какъ они смотрятъ на эту запорожскую трагедію? Довольно, кажется, этихъ примѣровъ. Вы ихъ можете набрать, сколько угодно изъ украинскихъ сочиненій, заявлений, разговоровъ съ ними, когда они такими пріемами и средствами стараются обосновать украинскій сепаратизмъ въ прошломъ, но его во всемъ этомъ не было и нѣтъ. Это только ихъ попытки извратить и оболгать это прошлое. И эти ихъ попытки легко опрокидываются и совершенно разрушаются русской наукой, если на нихъ обращено ея вниманіе. Сепаратизмъ ими строится только искусственно, фиктивно, въ воображеніи. Нѣтъ украинскаго сепаратизма и въ украинскомъ движениі до указанного нами времени, т. е. до половины 70-хъ годовъ въ Россіи и приблизительно до 1900 г. въ Галичинѣ, хотя чужие и враждебные Руси круги пытаются его использовать. Украинскій сепаратизмъ — это то предательское отщепенство отъ русскихъ націй, культуры, имени и родства, которое задалось цѣлью расчленить Русь, разорвать ее на части, и которое у насъ О. А. Мончаловскій въ то время, когда оно тутъ появилось, назвать точно и мѣтко: мазепія, мазепинцы, мазепинскій, т. е. это прямое преемство злодѣянія предателя Мазепы. Своей измѣной этотъ шляхтичъ — противъ воли, интересовъ и безъ вѣдома малорусского народа — съ помощью чужихъ силъ попытался, правда, безуспѣшно, но это сущности дѣла не мѣняетъ, оторвать отъ Руси еї юго-западную часть. За нимъ и съ нимъ пошло противъ Петра всего полторы тысячи добровольныхъ и вынужденныхъ или обманутыхъ сторонниковъ, въ большинствѣ колеблющихся и трусливыхъ. Петру было нетрудно одолѣть ихъ, онъ не съ ними боролся, и не они были для него угрозой и непосредственной опаснос-

тыю. Онъ боролся съ тѣми большими, грозными и опасными чужими силами, которые использовали Мазепу. И для насъ нынѣ мазепинство грозно и опасно прежде всего и больше всего какъ орудіе чужихъ силъ для разрыва Руси. Съ нимъ, съ мазепинствомъ, у насъ никогда не можетъ быть ни соглашенія, ни примиренія, ибо никакой живой организмъ въ мірѣ — а націю мы видимъ такимъ живымъ организмомъ — не согласится, не примирится съ разрывомъ себя самого на части.

Намъ, русскимъ, эту сущность украинского сепаратизма, этого мазепинства, надо себѣ всегда уяснить и опредѣлять точней ибо, иначе, отъ неясности и неточности, получается большой вредъ для русского національного дѣла. Къ сожалѣнію, изъ взгляда на тѣхъ украинцевъ, которые не являются или которыхъ мы не считаемъ и не желаемъ считать мазепинцами, мы часто не называемъ украинскихъ сепаратистовъ и ихъ движенія ихъ настоящимъ именемъ. До войны, если въ моихъ статьяхъ въ «Прикарпатскую Русь» употреблено было название «мазепія», «мазепинцы», «мазепинскій», редакторъ его зачеркивалъ, а если оно какъ-то проскользнуло, тогда и редакторъ, и я получали за это отъ Дудыкевича выговоръ, ибо это название, моль, — оскорблениe тѣхъ украинцевъ, которые все-таки не мазепы, т. е. сепаратисты. Но сколько такихъ въ украинскомъ станѣ и что они въ немъ значатъ? Нынѣ, когда сепаратисты устраиваютъ въ честь Мазепы юбилей и торжества, когда въ органахъ мит-та Шептицкаго печатается чернымъ по бѣлому, что его, по его великимъ заслугамъ для українства, можно бы развѣ поставить рядомъ и сравнить только съ Мазепой, пора бы и намъ съ этой не-опредѣленностью въ номенклатурѣ покончить. Между тѣмъ въ нашей печати и теперь по ихъ адресу употребляется название: украинофилы, украинофильство, — неподходящее и невѣрное. Развѣ польские поэты Мальчевскій, Залескій, Гощинскій и др. не украинофилы? Развѣ Масарикъ и Бенешъ не украинофилы? Развѣ предсѣдатель Государственной Думы Родзянко не былъ украинофиль? Развѣ мы, русские, когда любуемся Україной и украинскимъ народнымъ творчествомъ, не украинофилы? Почему съ нашей, русской, стороны не ставить вопроса ребромъ твердо, рѣшительно и ясно, чтобы украинцы знали, что именно въ нихъ и ихъ движеніи для насъ пріемлемо, а что нѣтъ, и чтобы недоразумѣній не выходило? А недоразумѣнія по этому поводу бываютъ и у насъ, и у нихъ. Достаточно, чтобы украинецъ признавалъ имя «Русь» употребительнымъ относительно прошлаго или даже относительно настоящаго, гдѣ это по тактическимъ соображеніямъ ему кажется допустимымъ и нужнымъ, напр., въ Закарпатской Руси, чтобы заявить, что ему ближе все-таки москали, чѣмъ поляки и т. п., и мы уже готовы строить на этомъ розовыя надежды. И у нихъ Иванъ Кедринъ открылъ въ «Ділі»

анкету объ отношеніи украинцевъ къ москофиламъ и въ «Ділі» посыпались статьи съ требованіемъ, чтобы москофилы стали украинцами. Кедринъ объясняетъ авторамъ, что надо отдѣлить политическую сторону вопроса отъ идеологической. Его за это ругаютъ, на что онъ и жалуется и т. д. А между тѣмъ всего этого можно бы избѣгнуть, если бы всегда было твердо и ясно поставлено на видъ: для насъ, русскихъ, украинцы и украинское движение непріемлемы и невозможны, если термины «українство» и «українскій» въ нихъ но своему смыслу и сущности синонимы «мазепинство и мазепинскій».

Вотъ главные факты изъ исторіи мазепинства.

Въ Россіи оно царскимъ указомъ отъ 18 мая 1876 г не было подавлено. Оно ушло частью въ подполье, частью заграницу, сюда, во Львовъ, и даже снискало себѣ симпатіи и тамъ, и здѣсь, ибо боролось якобы только за свободу запрещенного этимъ указомъ малорусского слова. По заключеніи въ 1879 г. направленного противъ Россіи тройственного союза Австро-Венгрии, Германіи и Италіи и заявленіи берлинскаго проф. Гартмана, что Австро-Венгрия и Германія имѣютъ передъ собой заданіе образовать изъ Украины Grossfuerstentutn von Kiew львовскій мазепинскій центръ получаетъ мощную и щедрую поддержку отъ обоихъ государствъ и мѣстныхъ, т. е. краевыхъ властей въ Галичинѣ. Въ 80-хъ годахъ здѣсь быстро возникаютъ и развиваются Наукове Товариство ім. Шевченка, изданія «Правда», «Зоря», «Діл» и др. Осенью 1890 г. въ галицкомъ сеймѣ во Львовѣ провозглашена Романчукомъ и тов. т. нзв. «новая эра»; т. е. принципъ малорусского сепаратизма. Въ 1894 г. открыта въ Львовскомъ университѣтѣ каѳедра малорусской исторіи и приглашены на нее австрійскимъ правительствомъ изъ Киева уже извѣстный тогда сепаратистъ-доцентъ Михаиль Сергеевичъ Грушевскій. Тогда же изъ школъ устраивается этимологическое малорусское правописаніе, а вводится въ нихъ нововыработанное въ сепаратистичномъ духѣ фонетическое, несмотря на многотысячные протесты. Подъ руководствомъ Грушевскаго воспитываются и выходятъ изъ университета цѣлые кадры сепаратистовъ-учителей и вытѣсняютъ изъ школъ русскихъ учителей. Онъ же въ этомъ духѣ переводить въ 1899 г. реорганизацію прежней народовецкой, украинофильской партіи и фактически возглавляетъ все украинское, уже явно и ярко мазепинское движение до самой войны.

Въ Россіи революціонные годы 1905–06 подняли и оживили мазепинство. Стали появляться изданія его на правленія, а съ 1908 г. «Записки Т-ва Шевченка» выходятъ также въ Кіевѣ. Грушевскій открылъ тамъ его особый центръ. Много ему помогаль и тамъ, и здѣсь шантажъ съ извѣстной запиской Россійской импер. Академіи наукъ «объ отмѣнѣ

стѣсненій малорусскаго печатнаго слова», данной только на правахъ рукописи, но здѣсь въ переводѣ-поддѣлкѣ Ивана Франка, выпущенной для доказательства, будто русская Академія наука признала сепаратизмъ малорусскаго языка. Академики Соболевскій, Коршъ и др. протестовали противъ такого истолкованія этой записки и въ здѣшней «Прикарпатской Руси» и въ печати въ Россіи, но шантажъ продолжался, мазепы съ этой запиской выѣзжали на всѣхъ нашихъ политическихъ процессахъ, здѣсь, во Львовѣ, на нашемъ, и въ Вѣнѣ, на двухъ.

Противъ мазепинскаго движенія боролось также съ 1900 г. усилившееся здѣсь русское, т. н. «новокурсное» движеніе, подъ главенствомъ В. О. Дудыкевича, но, не имѣя своихъ школъ, не могло одолѣть его. Это была явно неравная борьба, но тѣмъ не менѣе для мазепіи и ея покровителей грозная. Можно и на основаніи ихъ тогдашней печати установить, что приблизительно съ 1910 г. они считали для себя русское новокурсное движение опаснымъ. Все же украинское движение до войны было гораздо сильнѣе. Оно было вообще тогда гораздо сильнѣе, чѣмъ нынѣ.

Во время войны украинскіе «січевики» боролись противъ русскихъ войскъ на Карпатахъ и во время революціи въ Малороссіи, а здѣсь предавали австр. властямъ своихъ русскихъ братьевъ. Въ концентраціонныхъ лагеряхъ русскихъ плѣнныхъ въ Австро-Венгрии и въ Германіи украинскіе преподаватели гимназій и редактора «перевоспитывали» плѣнныхъ малороссовъ въ украинскихъ самостійниковъ и во время революціи съ ихъ помощью строили самостійную Украину подъ покровительствомъ нѣмцевъ. Дальнѣйшее и прочее общеизвѣстно.

Съ занятіемъ русскими войсками Галичины и Буковины въ 1914—15 гг. все здѣсь украинское движение моментально и безслѣдно исчезло, какъ пыль, сдугая со стола, хотя репрессій никакихъ со стороны русскихъ властей не было. Арестовывались ими и вызывались отсюда только украинцы, причастные къ січевикамъ и вообще къ военной украинской акціи противъ Россіи. Оставшиеся здѣсь главари украинства Грушевскій, Шухевичъ, Павликъ, Окуневскій и др. ориентировались на Россію и публично высказывали свою радость по поводу наступившей перемѣны.

Послѣ войны украинцы пропагаютъ идею образованія особаго украинскаго государства. Нѣть никакихъ видовъ на то, чтобы такое государство могло возникнуть. Если бы оно какимъ-то чудомъ возникло, оно очутилось бы передъ той же диллеммой, передъ которой стоялъ Богданъ Хмельницкій: подъ кого, братцы, волите?

Украинство было и до войны и остается нынѣ сильнѣе насть, русскихъ, въ смыслѣ организаціонномъ, материальномъ, политическомъ, экономическомъ; но оно слабѣе насть и вообще слабо въ смыслѣ идео-

логическомъ, культурномъ, духовномъ, моральномъ. Довоенный опытъ показалъ, что оно, въ нѣкоторыхъ условіяхъ и при такомъ же соотношеніи силъ можетъ быть русскимъ движеніемъ убито. Но это уже особый вопросъ.

Сколько же времени требуется для того, чтобы данное соотношеніе силъ измѣнилось? Вотъ вамъ приблизительные сроки: украинство здѣсь взяло надъ нами верхъ въ промежуткѣ отъ 1895 до 1905 г. Наше довоенное, новокурсное движение выросло и укрѣпилось прочно въ 1900—1910 годахъ. Послѣ войны здѣсь украинство возстановлено было также въ теченіе десятилѣтняго срока. И иная десятилѣтія изъ нашей галицко-русской исторіи могли бы быть темой особаго доклада. Да и весь этотъ мой докладъ — это только лаконические пункты-темы для отдѣльной обработки, а жизнь и практика подсказываютъ ихъ много-премного.

Нынѣшнія события взываютъ насть на новый подвигъ укрѣпленія русскости и борьбы съ украинскимъ сепаратизмомъ, къ дѣятельному участію въ новомъ русскомъ движеніи.

Конечно, наше положеніе трудно, но легкимъ оно никогда и не было, а его трудности извѣстны и неинтересны. Лучше и практичнѣе имѣть всегда передъ своими мысленными глазами отрадные моменты и обстоятельства: нынѣ здѣсь имѣется вдвое больше русского населенія, чѣмъ его было въ довоенной Австро-Венгрии, исчезнувшей съ карты Европы. Нынѣ здѣсь, какъ встарь, Вильна и Львовъ могутъ другъ другу подать дружную помощную руку. Съ каждымъ годомъ наше братское единеніе становится тѣснѣе и крѣпче.

Мало насть! — скажете. Конечно, сознающихъ национальный долгъ и саможертвенныхъ тружениковъ маловато. Но такъ говорили всегда первые пionеры новаго движенія, а взялись за работу — и ряды ихъ вырастали.

Нѣть матеріальныхъ средствъ! Много ли ихъ нужно? Небось, не крупныхъ капиталовъ на открытие фабрикъ и торговыхъ предприятій, а всего только на переписку, на выпускъ летучекъ и брошюрокъ, на выѣзды. И соберете ихъ изъ грошей, отъ тѣхъ, правда, хотя неимущихъ, но многихъ, кому ваше слово, вашъ трудъ, ваши знанія и молодой порывъ желанны и дороги.

А что они ждутъ васъ — не сомнѣвайтесь. И что на огромномъ пространствѣ отъ Карпатъ до латвійской границы открывается вамъ непочатое поле культурной дѣятельности — вы сами убѣдитесь. Здѣсь, въ Галичинѣ, ждутъ отъ васъ живого русскаго слова украинскія села, готовыя стать русскими. Ждутъ васъ на Волыни и Холмщинѣ сбитыя съ толку и «Украиной», и безбожиемъ крестьянскія массы. На Полѣсси

тысячи «тутейших». На Виленщинѣ бѣлорусскіе сепаратисты. А по-всюду — жаждущая русскаго просвѣщенія учащаяся молодежь, а то кое-гдѣ и та наша старшага интеллигенція, которая, ошеломленная событиями и новымъ положеніемъ, позабыла, какъ называется, хотя, впрочемъ, можно ее покамѣстъ оставить въ покое: когда русское движение станетъ уже сильнымъ, она сама тогда опредѣлится и примкнетъ к нему.

А вѣрную побѣду русскаго духа вѣщасть и удостовѣряеть намъ живая, реальная картина Руси по другой сторонѣ Карпатъ. Тысячу лѣтъ отторженная отъ русскаго государства, но духовно присноединая со всѣмъ русскимъ міромъ, она не погибла подъ мадьярскимъ игомъ. Двадцать лѣтъ относительной свободы ей было достаточно, чтобы вы-прямиться во весь богатырскій ростъ и засвидѣтельствовать передъ міромъ свою русскость. Русскій эмигрантъ-писатель Ремизовъ посѣтилъ ее въ свое время, послѣ войны, чтобы собрать ея народныя сказки, и призналь её самое чудной русской сказкой. Другой русскій эмигрантъ-писатель Иванъ Лукашъ увлекся ея былью и въ своихъ художественныхъ твореніяхъ воплотилъ ея легенду. Американцы, англичане, чехи въ своихъ повѣстяхъ и романахъ очарованы этой маленькой, убогой, горно-лѣсистой страной, которая въ нашъ черствый вѣкъ материализма, эгоизма и предательства геройски борется за свою величайшую духовную цѣнность — за русскость. Нынѣ она жестокимъ Западомъ перерѣзана надвое. И на одной ея половинѣ пробуетъ свить свое гнѣздышко та же предательская змѣя — мазепія. Но тамъ есть нынѣ двойная единодушная Русь. Она змѣю задушить. Уже перекликаются ея вѣрные часовые по обѣимъ сторонамъ этой макіавелевской границы: сѣтой, венгерской, русскіе въ Ужгородѣ, а сѣтой, чешской, изъ Праги, молодые сокола — они молоды, они родились уже послѣ войны. Уже въ Густѣ дѣйствуетъ Русскій Народный Совѣтъ. Уже львовское «Діло» бѣть тревогу... Окончательно и навѣрно побѣдить Русь!
